

DS

ПОЛИНА ОРДО

ОТКРОВЕНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Полина Ордо
DS: Откровение

«Автор»

2018

Ордо П.

DS: Откровение / П. Ордо — «Автор», 2018

Человеческая жестокость и неожиданная страсть перевернули мой крошечный мирок. У меня были нелюбимая работа, лежащая в руинах личная жизнь и привычная серость будней. И главное - покой, пусть и похожий на болото. Но один мужчина толкнул меня на скользкую дорожку. Второй подхватил, тщательно подкармливая моих внутренних демонов... Есть ли у меня шанс на счастье, любовь и примирение с новой собой? Роман из цикла "Клуб Допинг" Содержит нецензурную брань.

© Ордо П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Полина Ордо

DS: Откровение

Глава первая

НОЯБРЬ 2017

Надоедливая трель будильника вгрызалась в моё уставшее сознание.

Какого чёрта?

С трудом открыв глаза, старалась проснуться. Выходило плохо. Зевая, вяло покрутила головой в поисках телефона. Под подушкой его не было, как и рядом, наскоро ощупав плед, ничего не нашла.

Эта истеричная мелодия выводила из себя. Господи, неужели я сама её выбрала?

Чертыхаясь и ругаясь, пыталась найти источник раздражения. Вспомнив о тумбочке, резко потянулась рукой.

– Что за... – опрокинув стакан с водой и чуть не завалив торшер, я окончательно проснулась.

Нет, это не будильник. На треснутом экране смартфона маячило знакомое лицо.

Ирка.

– Да, – сев на кровати, тяжело вздохнула.

– Манюня, привет! Ты что, спишь ещё?

Грязно выругавшись, бросила взгляд на левое запястье: половина третьего дня.

– Я вчера фотосет последний обрабатывала. Легла с петухами. Так что да, разбудила. Будь готова к встрече с мегерой.

Хриплый кашель в трубке заставил меня поморщиться.

– Ну, если ты только ко мне приедешь. Собственно, поэтому и звоню. Да, я заболела. И у меня горит срочный заказ. Градусник с яростной отметкой в тридцать девять с половиной прозрачно намекает, что сегодня из кровати мне не встать.

– Так я тебе зачем? Звони в скорую и нотариусу, составляй завещание. Даже болезнь не освободит тебя от моего возмездия, ты просто не представляешь, как я сейчас зла!

Теперь уже сиплый смех сменился лающими звуками.

– Заказ вкусный. И я бы тебе его просто так не отдала. Осталось всего четыре часа до начала, и вряд ли найду себе замену. Вероятность того, что резко выздоровею, уже ушла в минус. Тем более, там дел на вечер. Только съёмка. И всё. Никакой обработки и прочего. Тебе даже оборудование выдадут.

Вот тут у меня глаза полезли на лоб. Это всё здорово, но моя фотокамера естественное продолжение моих глаз и рук. Ирке ли этого не знать. Что-то пахнет работа...

– Как ты себе это представляешь? – я усмехнулась, сощурившись, посмотрела в окно. Солнце всю жарило. Поразительно. В ноябре-то.

– У них техника лежит для меня. Я не на мыльницу людей снимаю, – Ирка попыталась повысить голос, удушливый кашель заставил её прерваться, остаток фразы она пробубнила себе под нос. – Тем более сильно профессионально снять и не получится. Короче, просто прийти, снять всё на их камеру. В конце тебе заплатят кругленькую сумму. Наличными, правда. Даже домой отвезут.

– Кругленькая насколько?

От озвученной суммы сердце радостно ёкнуло. И это за один вечер? Запахло ещё сильнее. Даже не так, начало откровенно пованивать.

– А что за меропрятие?

На том конце трубки послышалось копошение. Ирка определённо мялась.

– Слушай, замена тебе нужна или кому? – поджав колени к себе, боролась с нежеланием встать прямо сейчас, но мягкий, тёплый плед не хотел меня отпускать.

– Вечеринка в закрытом клубе.

– Пф-ф-ф... Удивила.

– БДСМ-клубе.

– Э-э-э-э...

Звон моей челюсти, наверное, было слышно и на первом этаже. Нет, я, конечно, люблю работать в неформате, но не настолько же!

– Слушай, это хорошие ребята. Доводилось снимать их, и не раз. Всё чин чинарём. Я им уже написала. За тобой придут в семь. Потом расскажешь.

– Эй?!

Ирка буркнула слова прощания, явно уходя от неприятного для неё разговора, и нажала на отбой.

Я устало упала на подушку, зажав телефон в руке. Перезванивать бессмысленно – Ирка не ответит. Вот же ж... Надеюсь, тебе сейчас икается. Мало того, что устала как собака, не выпалась, теперь ещё и ехать фиг знает куда.

Сунув ноги в холодные тапки, мгновенно покрылась мурашками от свежести. Шлёпая голыми пятками, рванула в душ.

* * *

В начале седьмого вечера мне позвонили. Мужчина с приятным баритоном представился Сергеем и сказал, что заедет минут через пятнадцать. Отлично, успею допить кофе. Поспешно прихлёбывая из чашки, в очередной раз корила себя за нерасторопность и лень. Было же время собраться.

Запрыгнув в тесные джинсы, я натянула фланелевую рубашку и одним движением взъерошила короткие рыжие волосы. Так, очки. Как назло, я снова засунула их во вселенскую червоточину. Обыскав всю квартиру, нашла их под подушкой. Да, это определённо самое лучшее место для хранения.

Затренил телефон. На экране был уже знакомый номер. Сбросив вызов, метнулась в коридор.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Шарф, шапка, парка и мои любимые конверсы. Да, рюкзак с различной нужной мелочёвкой. Сунула телефон в карман джинсов, послала воздушный поцелуй себе любимой в зеркале и, хлопнув дверью, помчалась вниз, перемахивая через каждые три ступеньки.

Возле подъезда ждал презентабельный белый БМВ, правда, прилично заляпанный грязью. Ну, немудрено, ведь конец ноября. У нас редко в это время снег лежит. Солнце уже скрылось, оставив серые осенние сумерки.

Я опасливо подошла к машине. Собравшись с мыслями, открыла дверь и запрыгнула на заднее пассажирское сиденье. За рулём оказался молодой мужчина, его можно было бы принять за моего ровесника, но холодный лёд глаз и жёсткая линия губ говорили об обратном. Обернувшись ко мне, приветственно махнул рукой.

– Вы Сергей?

– Да.

– Простите, я видела, что вы звонили, но никак не могла найти эти дурацкие очки... – уловив знакомое выражение на лице мужчины, поспешно полезла в рюкзак и вытащила паспорт в кожаной обложке. – Да, я – совершеннолетняя. Мне двадцать пять уже. Так что...

Но меня оборвали на полуслове.

– Вы в его вкусе.

Поперхнувшись, я попыталась откашляться. Ещё и покраснела как рак.

– Это такой способ знакомиться? – посмотрела в глаза-ледышки, поёжившись как от холода, хотя в салоне было более чем тепло. – И что теперь, в секту свою затащите?

Сергей громко засмеялся. Мотнув головой, он отвернулся, посмотрел в зеркало заднего вида и взялся за ключ в замке зажигания.

– Пожалуй, самое мягкое слово, которое я слышал. Нет, у нас не клуб педофилов и сексуальных маньяков. Всё по обоюдному согласию. И если так переживаете, то даю слово, что вас никто не тронет.

– Можно на «ты». Ни в чьей защите я не нуждаюсь, но спасибо, от таких слов мне, безусловно, стало гораздо спокойнее, – я сердито засопела, сжав несчастный паспорт двумя руками.

– Мы захватим ещё одного человека и поедem на место. Тут недалеко.

Машина плавно тронулась.

Откинувшись на спинку сидения, поймала себя на авантюрной, дикой мысли: может, я была бы и не против, если кто-нибудь обратил на меня внимание. Тот, кому я по вкусу, например.

Спустя полчаса остановились у какого-то нового жилого комплекса почти в самом центре города. Сергей достал свой телефон и кому-то позвонил. Ему даже не ответили, а просто сбросили вызов. Мужчина только хмыкнул и сунул телефон в бардачок.

– Опаздывает?

– Начальство никогда не опаздывает, оно задерживается. Анатолий Павлович уже вниз спускается, поэтому и трубку не взял.

– Судя по всему, давно с ним работаете?

– Порядочно. Мой начальник – человек хороший. Хотя и со своими тараканами, – заинтересованный взгляд в зеркале, от которого я вновь покраснела. – Можно на «ты», песок с меня не сыпется.

– Интересно...

– Что именно? Мой начальник, я или...

– Или, – грубо перебила его, бросив взгляд в окно.

Хотя кошку именно любопытство сгубило, но у меня оно просто живое, человеческое. Надеюсь, обойдёмся без жертв...

Хлопнула дверь, и на переднее пассажирское сиденье сел мужчина. Ему было около сорока лет на вид. Худощавый и высокий, в свитере явно не по размеру, с кожаными заплатками на локтях, тёмные джинсы завершали образ. Гладко выбритое лицо, аккуратно зачёсанные назад чёрные как смоль волосы. Запах дорогого парфюма порадовал. Редко кто умеет пользоваться им так правильно.

Может, действительно телефончик стрельнуть?

– Это что за девочка-ромашка? – произнёс шеф Сергея.

Приятный голос с хрипотцой и озорной блеск карих глаз.

Сергей замялся, так как до сих пор не удосужился узнать моё имя.

– Я Марианна, коллега и подруга Ирины. Она мне почти ничего не рассказала, поэтому хотелось бы узнать... что же это за такое таинственное мероприятие? – мило улыбнулась. Надеюсь, вышло правдоподобно.

Анатолий Павлович хмыкнул и пристегнул ремень безопасности.

– Можно на «ты»? – получив утвердительный ответ, он продолжил. – Значит, Ира тебя в курс не ввела? Итак, Мари, сегодня у нас обычный мастер-класс по флагелляции. Вести его будет гостья из Москвы. Народу должно быть много, но без экшена. Так что основное внимание мастеру и модели.

Я слегка «подвисла» от незнакомых слов. Флагелляция? Экшн?

– Простите, что перебиваю...

Мужчина обернулся ко мне и, увидев моё озадаченное лицо, нахмурился.

– Так, мой промах. Забыл. Порка. Сегодня будут пороть. Много, вкусно и по-разному.

Хорошо, что я в шапке. Моими ушами наверняка можно было бы сейчас дорогу освещать.

– Только мастер-класс. Живое общение, отдых и веселье.

Веселье? Блин, неужели пороть так весело? Вот почему у меня жизнь такая скучная. Без порки нет веселья у мажорки... Хех.

– Оборудование?

– Серёга, где оборудование?

– В багажнике, в сумке. Забрал у Ирины сегодня. Она сказала, что всё в норме.

– Угу.

– Будут ещё наши постоянные члены клуба. Их тоже нужно поснимать. Сегодня Сергей – твой гид. Послезавтра у нас творческая встреча, так что, если в этот раз всё пройдёт как надо, пригласим ещё на один вечер к нам. Правила простые: никаких телефонов, смартфонов, планшетов и прочего, что может фотографировать либо снимать. Поэтому всё перечисленное оставляешь в машине, никто это отсюда не возьмёт. Серёга тебя и обратно повезёт. Фотоаппарат сдашь мне лично в руки, со всеми картами памяти и прочей лабудой вашей. Всё понятно?

От такого напора я вжалась в спинку сиденья. Властный, жёсткий, обстоятельный. Озорной блеск в глазах сменился металлическим отливом.

– Можно вопрос?

– Да.

– К чему все эти меры?

Мужчина засмеялся и разрядил обстановку. Я выдохнула.

– Были у нас... инциденты. Даже с корпоративными фотографами. Сама понимаешь, мало кто хочет увидеть себя обнажённым во всемирной помойке. Люди в клубе разные. И у нас есть определённые обязательства. И, раз гарантируем анонимность, мы просто должны защитить их право на личную жизнь. Иначе к нам ходить никто не будет.

– Интересно. Я себе это не так представляла.

Анатолий Павлович скривился.

– Давай не будем о плохом...

Машина остановилась, повернув налево. Спальный район на севере города. Двухэтажное здание с яркой вывеской «Бар Допинг». Выходит, это обычный бар? Тёмные стены, зашторенные окна и неоновая иллюминация. Никогда бы не подумала, что здесь царство похоти и разврата. Нервно хихикнула, прикрыв рот рукой.

Машина плавно остановилась перед центральным входом. Я вытащила телефон, выключила его и протянула Сергею.

– Вот. Рюкзак мне нужен. Кроме моих примочек там нет ничего. Хочешь, проверь.

Мужчина молча взял мой смарт и положил его к своему в бардачок.

Анатолий Павлович вышел, легко захлопнув дверь, и направился напрямиком в бар.

– Ты подожди у входа, я сейчас машину припаркую.

Я схватила рюкзак и выскочила на улицу. Моя неуёмная натура требовала активности и действий. Подпрыгивая на месте и стуча зубами от холода, ругала себя, что так легко оделась.

Здание было на отшибе. От дороги его отделяла полоса живых насаждений. Парковка, судя по всему, находилась за баром. Впереди, за дорогой, стояли дома. Они располагались достаточно далеко, чтобы разглядеть, что здесь происходит.

Хорошо освещённая территория. Кусты туи и совершенно лысая живая изгородь. Летом здесь должно быть здорово. Тротуарные дорожки, фонари. Это место походило больше на какой-нибудь загородный клуб, чем на бар.

– Ну что, пойдём, – Сергей неслышно подкрался сзади.

– Пойдём, – вздрогнув от неожиданности, поёжилась.

Он протянул мне серую спортивную сумку. Расстегнув её, я увидела кофр, и даже не один, штатив и пару объективов в отдельном пластиковом чехле. А также там лежал бейдж с красивой надписью «ФОТОГРАФ». Видимо, чтобы не спутали с одной из этой компании...

Сергей открыл тяжёлые двери и пропустил меня вперёд. Внутри был приятный полумрак. Небольшой холл с деревянными панелями, слева золотистая табличка гардероба. Мужчина услужливо протянул руку, указывая нужное направление. Неожиданно помог мне раздеться, повесил куртку на крючок. Это приятно удивило.

Я привычно взъерошила короткие волосы, поправив чёлку, и протёрла запотевшие очки. Прицепила бейдж к рубашке и закинула рюкзак с сумкой себе за плечо.

– Ну что, веди, Сусанин. Лучше если это будет укромный уголок, где я смогу разложиться. И...

Ого!

Я запнулась на полуслове. Сергей ждал меня у дверей гардероба. Выглядел он впечатляюще: чёрная футболка поло и потёртые джинсы, высокие кожаные сапоги на шнуровке.

– Эм... Ты... Ну, тоже того? Этого? – сняла очки и протёрла их ещё раз, пытаясь скрыть некоторую неловкость.

– Удивительно красноречие, – ехидный смешок. – Да нет, пока в трезвом уме и памяти. И ты сама слышала, сегодня я твой сопровождающий. Это моя рабочая одежда, не обращай внимания.

Надев очки, впервые смогла рассмотреть его поближе. Он был гораздо выше меня, нормального телосложения. Плечи только выглядели слишком широкими для его комплекции. Руки забиты татуировками: чёрный геометрический узор при ближайшем рассмотрении оказался россыпью мелких точек. Интересно. Жаль, себе в копилочку не унести.

– Необычные тату, – пылливо всматривалась в рисунок, представляя, как бы извернуться. – И всё же не ответил, ты тоже в...

– В Теме? Ну да. Хотя я больше предпочитаю заниматься такими вещами наедине, – Сергей склонился ко мне настолько близко, что нос приятно защекотал свежий ментоловый аромат.

Светлые короткие волосы, выбритые виски. Лицо интеллектуала никак не вязалось с остальным. И глаза, словно два куса льда. Они вообще казались чужими. Не его.

Судорожно вздохнув, мотнула головой. Сергей выпрямился и, учтиво взяв меня под локоть, повёл узкими коридорами. Мы проскочили мимо белоснежных офисных дверей, через стекло я увидела только непонятные стеллажи и ещё один узкий коридор, затянутый паром.

– Здесь технические помещения: кухня, кладовая. Сам зал на втором этаже.

– Ты идёшь слишком быстро, – я пыталась увидеть хоть что-то ещё в бесконечном мельтешении. Странно, само здание казалось маленьким, но внутри оно было просто огромным.

– Извини, привычка. Обычно заходим с другой стороны, но там сейчас ремонт.

Свернув направо, мы вышли в маленький холл, из него на улицу вели широкие двери из тёмного дерева, сейчас они были запёрты на висячий замок. Напротив входа горделиво красовалась закруглённая лестница, блестящая свежим лаком, с тщательно отполированными перилами. Ступеньки были не слишком высокими и широкими.

Степенно поднимаясь наверх, я всё гадала, что же увижу? Почему-то в голове был будуар с его шоколадно-вишнёвыми тонами, удушливым запахом и пыльными портьерами. Мысль про голые тела и охи-вздохи стыдливо гнала прочь.

Последняя ступенька плавно переходила в паркетный пол. Заметив сапоги Сергея рядом, подняла голову.

– Ну что, готова?

Тёмно-зелёные портьеры из тяжёлой бархатистой ткани закрывали вход в зал, откуда доносились задорные испанские ритмы.

– Они там что, фламенко танцуют?

– Это всё Инга, хозяйка бара.

– Я думала...

– Нет, Андрей Павлович владелец клуба. Бар мы арендуем. До этого мы были в пром-зоне, – Сергей поморщился, чем сейчас очень напомнил своего начальника. Брезгливость у них выходила отменно. – Здесь гораздо лучше.

– Инга того, тоже? – задала нескромный вопрос.

– Она всего лишь арендодатель. Хотя любит посидеть на наших вечеринках. Хорошая женщина.

Портьеры податливо отъехали вбок, Сергей почти втокнул меня, замешкавшуюся на самом входе. Щурясь от яркого освещения, с любопытством начала разглядывать помещение клуба.

Большой просторный зал. Справа была барная стойка, она заканчивалась ближе к середине, дальше шли столики, а вдоль стены закрытые кабинки с лёгкими, невесомыми шторками. Да уж, это кому такое в голову пришло? Всё прекрасно видно, или это для пикантности?

Пожав плечами, поправила лямку рюкзака и удобнее перехватила сумку с оборудованием. Слева от входа танцпол и небольшая сцена. Именно там сейчас настраивали это яркое, режущее глаза освещение. В центре, под лучами софитов, располагался перевёрнутый наискось крест с кожаными креплениями, сейчас он угрожающе пустовал. Рядом с ним стояла пухленькая маленькая блондинка в кожаном платье, то и дело поправлявшая сползавший с плеч палантин. Она что-то терпеливо объясняла рабочим, чтобы они правильно выстроили свет. В самом конце зала, за столиками возле окна сидели парочки, ещё несколько человек непринуждённо общались в баре.

От одного вида креста мне стало не по себе. Нет, может, от этого кому-то в кайф, но... Блин. Папахивает ностальгией по инквизиции.

– Вот та кабинка, сразу за баром. Пойдём туда. Там и вход видно, и до сцены недалеко, – Сергей махнул рукой, поприветствовав бармена.

– Сколько у вас бывает человек за вечер?

– Всегда по-разному. Обычно не так много. Но сегодня мастер-класс Татьяны. Она настоящий ас в своём деле. Не так давно вернулась из Японии, кинбаку изучала.

– Кин... что? – я положила сумку на стол, а рюкзак бросила на дерматиновый диванчик.

– Шибари?

– Это слышала...

Да уж. Раньше мой неформат заканчивался откровенными фотосессиями. Но там были модели, чистая постановка. И я не на главных ролях, на подхвате. А тут... Целое представление готовится. Нервно взъерошила волосы и полезла в сумку. Что там Ирка насобираала?

Я достала фотоаппарат и объективы. Присвистнув, даже обрадовалась – редко когда такое сокровище в руки попадает. Подумав, взяла телевик. Сделала пару кадров, пробных, и поковырялась в настройках. Ещё кадр.

– Мне бы ещё запасные аккумуляторы на подзарядку. На всякий случай.

– Я их в баре поставлю. Там наш бармен, Жора. Если что, его попросишь, – Сергей взял батарею и ушёл.

Окинула зал взглядом ещё раз. Свет, место, люди. В конце концов, это просто работа. Почему бы к ней так и не относиться?

Ко мне подошёл Анатолий Павлович и дружески похлопал по плечу.

– Ромашка, отснимешь мастер-класс и свободна. То, что после, – на твоё усмотрение. Будут интересные кадры, пожалуйста. Но можешь посидеть, отдохнуть и пообщаться. Сергей отвезёт тебя домой после закрытия.

Вновь кивнула и прилипла к полюбившемуся фотоаппарату. Ирка была права: техника – супер.

Потихоньку стал подтягиваться народ. Разношёрстная компания. Кого тут только не было. Вполне обычные пары, которые просто шли, держась за руки или обнявшись. Улыбки, довольные лица. Это совсем не вязалось с моими предубеждениями.

О! Вот и первая экстравагантная парочка. Жгучая брюнетка, худая и с колючим взглядом кофейного оттенка глаз. Она хорошо работала на камеру, не впервые, видимо. Тёмно-красное платье сидело на ней как перчатка на руке. А фигура шикарная...

Крепко держа тонкую металлическую цепь, она вела девушку в маске кошки. Кроме неё и ошейника на ней ничего не было. Фарфоровая кожа, мерцающая в этом полумраке. Тонкая, худая, словно соломинка. Тяжёлый кожаный ошейник с заклёпками смотрелся на ней как стопудовая гиря на ноге. Она покорно семенила за своей хозяйкой, не поднимая глаз. Я сделала ещё пару фото. Девушка смотрелась в кадре просто великолепно.

Вот теперь стали подтягиваться индивиды, более похожие на посетителей секс-клуба. Прозрачные кружевные наряды, мужчины в чёрной одежде армейского типа. Дамы в коротких платьях и масках. И всевозможные атрибуты из металла и кожи в виде ошейников, наручей и прочего. Голые мужчины и женщины, в сбруе, в шелковых накидках и обычной одежде.

Кто-то стеснялся, кто-то позировал, были и те, кто не обращали на меня внимание.

Спустя час после начала в зале, наконец, стала затихать зажигательная музыка. Она сменилась на более нейтральную. Общий свет убавили, и чёрный крест стал центром внимания. Вышла знакомая блондинка, она прикрепил к платью микрофон и поздоровалась с присутствующими. Поблагодарила Анатолия Павловича и Ингу Марковну за предоставленный шанс поделиться опытом.

* * *

Я слушала вполуха. Меня привлёк хозяин клуба. Он сидел в самом тёмном углу, рядом была Инга. Они что-то обсуждали. На полу возле Анатолия Павловича сидела девушка в коротком чёрном платье. Она обнимала его ногу, склонив к ней голову. Он нежно гладил её, перебирая пальцами тёмные пряди волос.

Обогнув столики, я сделала пару снимков. Меня привлекло лицо девушки. Спокойное, умиротворённое, а в глазах море любви, нежность, страсть и почитание. Поистине завораживающее действие. Мужчина воспринимал это как должное, изредка касаясь пальцами обнажённой кожи её плеч.

Это совсем не то, что я себе представляла. Откровенной грубостью и насилием и не пахло. Всё происходящее было тонкой завуалированной игрой, правила которой знали немногие. Теперь я поняла, что имел в виду Анатолий Павлович под обоюдным согласием. Трудно было найти среди присутствующих хоть одного человека, которого привели бы силой и удерживали против его воли.

Татьяна закончила говорить, и на сцену вышла модель. Та самая фарфоровая куколка. Как можно истязать столь хрупкое создание. Ей бы в настоящие модели. У неё отбоя не было бы от предложений.

Маска кошки не могла скрыть её волнения и напряжения, она покусывала губы и нервно перебирала пальцами рук. И вот её словно прекрасную бабочку распяли на этом жутком станке. Поправив выбившуюся прядь волос дрожащей девушки, Татьяна нежно прошлась рукой по её спине.

– Как тебе эта нижняя?

Я чуть не выронила фотоаппарат и грязно выругалась.

- Слушай, ты сейчас реально мешаешь.
- Прошло уже больше десяти минут, а ты не можешь оторвать взгляда от сцены. Вот и всё.
- Спасибо.

Сергей ехидно ухмылялся, видя моё раздражение. Нет, я действительно засмотрелась. В этом была определённая эстетика.

Фотоаппарат защёлкал в привычном режиме. Но абстрагироваться у меня не получалось. Вновь и вновь я возвращалась к этой... «нижней». Странно, думала, он назовёт её рабыней или другим каким «грязным» словом. Есть у нас что-то от тёмных времён...

В то же время он отнёсся к ней более чем уважительно. То, как он выделил это слово, просто подчеркнул её статус. «Нижняя». Позже я услышала ещё «саба». Как мне потом объяснили: это сокращение от сабмиссив – «саб» или «саба». Но чаще: «нижняя» или «нижний».

Татьяна повернулась к столу и взяла продолговатый предмет из кожи. Напоминал он человеческую ладонь на палке. Первый удар был хлётским, но совсем неболезненным. По крайней мере, девушка никак не выказала своих переживаний. Она застыла как изваяние. На коже остался лёгкий розовый след.

Я фотографировала и фотографировала. Теперь понятно, почему взяли именно эту хрупкую девушку: белое, чёрное и красное. Белая кожа, чёрное дерево и красные следы от ударов. Три цвета выгодно подчёркнутых грамотным светом и интимным полумраком.

Предметы сменялись, как и частота ударов и их расположение. Когда раздался первый крик, я дёрнулась от неожиданности, и эффектный кадр вышел смазанным. Чья-то рука успокаивающе сжала моё плечо.

Так и есть, опять он. Вот же ж...

– Не переживай, ей это нравится. Она получит от порки гораздо больше, чем тебе может показаться. Татьяна настоящий мастер, я тебе уже говорил.

– Сомневаюсь... – передёрнула плечами, сбрасывая руку мужчины со своего плеча.

– Это её вкусовые предпочтения. Они у всех разные. Я, например, ненавижу французский поцелуй. Нет более омерзительной вещи...

Видимо, моё лицо настолько перекосилось, что Сергей осёкся, недоумённо смотря мне в глаза.

Он что, действительно сравнивает порку с поцелуем? Серьёзно?

– Между прочим, нет ничего смешного. Применив ко мне французский поцелуй, ты совершишь насилие. Так что...

– Однако, если ты мазохист, то тебе это понравится.

– Но я не мазохист.

– Спасибо за справку. Если ты поцелуешь кого-то, кто тоже его не любит, будет ли это акт садизма? Или мазохизма? Садомазохизм? Не? Ах да. Ёжик плакал и кололся, но продолжал жрать кактус. Только сейчас я поняла всю глубину этой философской мысли.

Сергей попытался подавить смех, но у него это так плохо получилось, что даже я не удержалась и тоже прыснула в кулак. Этот отвлекающий момент немного разрядил ситуацию.

Действие на помосте продолжалось. И, насколько я поняла по ярким полоскам на ягодичах и спине, оно приближалось к концу.

Теперь в ход пошли совсем чудовищные, на мой взгляд, орудия. Крик сменился визгом.

Господи, я отказываюсь понимать происходящее! Что в этом приятного? Что? Что ломается в мозгу, раз на такие вещи идут добровольно? На секунду зажмурилась, пытаюсь успокоить колотившееся сердце.

Удары становились более равномерными, с одинаковым шагом, чувствовался определённый ритм. Краснота сменилась багровыми рубцами. Они взбухали практически мгновенно на белоснежной коже. Татьяна не била дважды в одно место, нет. Каждый последующий удар был либо выше, либо ниже.

* * *

Я сначала не поняла, что не так. Крики стихли, тишина нарушалась лишь звуками ударов. Подойдя ближе, почти вплотную, я услышала низкий гортанный стон, от которого мурашки побежали по коже.

Девушка повернула голову ко мне. Её лицо было расслабленным и безмятежным, расфокусированный взгляд с расширенными зрачками, дёргающееся верхнее веко и полуоткрытый рот.

Во мне боролись разные чувства: я ужасалась тому, насколько это красиво, эстетично и неправильно, мерзко. И несмотря на всё это, продолжала снимать кадр за кадром.

– Я же говорил. Она мастер, – мужчина следовал за мной по пятам, не давая расслабиться ни на секунду. Почему его присутствие так напрягает?

– Угу...

Я смотрела на восхищённое лицо Сергея. Нет, определенно не понимаю их. Это какие-то инопланетяне.

Татьяна что-то продолжала рассказывать, показывая определённые движения, пока девушку отвязывали. На её место вышла другая, и к Татьяне стали подходить люди, с просьбами показать, посоветовать. Теория закончилась, теперь наступила очередь практики.

Отвлёкшись, я не сразу сообразила, где же та «нижняя». Пройдясь вскользь по лицам, с трудом нашла её. Замотанная в одеяло держит дрожащими руками стакан с водой, а её хозяйка ласково обнимает и ведёт к выходу. Она смотрела на неё с такой любовью и нежностью, что я даже не поверила. Сама же привязала, а сейчас пылинки сдувает. Это явно не вязалось со всем, что я знала. Как же все эти рассказы про привязал, избил и бросил? Нет, она сейчас за неё любому, как говорится, пасть порвёт и моргала выколет.

Я ещё немного пофотографировала и устало выдохнула. Теперь все разбрелись по маленьким компаниям. Метаться и искать что-то интересное не хотелось. Взглянув мельком на часы, с удивлением отметила, что почти десять часов.

– Пойдём чаю попьём, – Сергей качнул головой в сторону кабинки.

* * *

Я, видимо, долго сидела в прострации, сжимая чашку, прежде чем Сергей окликнул меня.

– А?

– Ты в порядке?

– Да. Просто мне крышу снесло. Как говорится, разрыв шаблона. Вам бы видео записать, чтобы, так сказать, отбрёхиваться.

Мужчина усмехнулся и отхлебнул горячего зелёного чая.

– Оно надо? Мы живём вполне обычной жизнью, наши постельные предпочтения вообще никого не должны волновать. Маршем несогласных мы не ходим, молодёжь не агитируем. Но почему-то все прямо-таки уверены в нашей...

– Извращённости?

– Ненормальности, – Сергея передёрнуло от этого слова. – Можно подумать, что весь мир нормален. Раньше вон в рубахах с дыркой на причинном месте сексом занимались.

– Это как в испорченном телефоне.

– Хуже.

Я взяла в руки фотоаппарат и сфотографировала Сергея. Тот неожиданно нахмурился.

– Зачем?

– Просто так, у тебя сейчас взгляд был интересный.

Зажав кнопку, стала пролистывать отснятый материал. Были удачные кадры, а были и не очень. Целая уйма лиц... Но вот одно заставило меня остановиться и приблизить фото, чтобы получше разглядеть.

– Это кто?

– Где? – Сергей потёр переносицу и насупил брови.

– Вот, – Я показала ему фотографию.

– Это Маша. Она давно в нашем клубе. Интересный представитель женской породы.

– И что же в ней такого: масть, родословная?

– Наездник, – мой сарказм был утоплен в ядовитом плевке.

– О, ты хорошо его знаешь? Или лошадка из твоей конюшни?

– Я предпочитаю рыжих.

Вспыхнув, с негодованием отметила его самодовольную улыбку.

– Нет, Маша не такая. Она действительно необычная, редко у кого сейчас встретишь подобную выдержку и силу духа.

– Похоже, ты её хорошо знаешь.

– Она давно посещает наш клуб, только и всего, – мужчина резко замолчал, давая понять, что больше ничего говорить не будет.

– М-м-м...

Туману-то напустил. В задумчивости я ещё раз взглянула на снимок. Стройная блондинка, голубоглазая и смешливая. С очень женственной фигурой: узкие плечи и талия, округлые бёдра. Аристократичные руки с длинными пальцами. Её можно спокойно представить в роли дамы конца девятнадцатого – начала двадцатого века. В платье с меховым воротником и шляпке с вуалью.

– Можно с ней поговорить?

Сергей недоумённо приподнял бровь.

– Можно. Погоди, сейчас позову.

Фигура мужчины быстро скрылась среди посетителей клуба. Я уже почти допила чай, когда ко мне за стол села она.

– Привет! – по-детски мелодичный тонкий голос. – Ты новенькая?

* * *

– О! Нет, я фотограф, – ткнула пальцем в плохо различимый в этом полумраке бейдж. Хоть бы краской какой люминесцентной обозначили, или отражатель на худой конец выдали.

– Ты вместо Иры?

– Ага, она заболела.

– Какая жалость, передай ей привет от меня, – обернулась назад, высматривая кого-то в зале. – Она так хотела посетить этот мастер-класс.

Ну, Ирка! Ох и не завидую я тебе. Ради этого даже в гугл полезу, просвещусь насчёт Инквизиции. Будет тебе такая порка...

Женщина аккуратно сложила руки на столе и, улыбаясь, смотрела мне в глаза. Только сейчас я заметила у неё тонкий белый рубец. Он шёл от левого глаза вниз по щеке и заканчивался на шее.

Я неловко потупила взгляд и вцепилась в пустую чашку:

– Вы очень фотогеничны.

– Давай на «ты», – Маша искренне удивилась. – Да? Странно, мне этого никто не говорил.

– Если хотите, я вас так снимаю. Ну, не в этом клубе. Я собираю портфолио, а вы очень подходите к моим образам. Это исторические постановки. Так, небольшое хобби. Пожалуйста, подумайте.

– И только? Да без проблем. Я не против, всегда открыта новому. И всё же на «ты».

Тут уж я не выдержала. Она такая чистая, свежая и невинная. Ну никак не вписывается во всё это!

– Вы... Ты как сюда попала. Тоже в Теме? Мне просто не верится.

Звонкий смех и хитрый прищур небесно-голубых глаз.

– Что тут Сергей обо мне наговорил, каких гадостей?

– Так, лошадку в стойло запрягал.

Маша прицокнула языком.

– Нет, я просто увидела тебя в кадре и спросила его... Он же такой таинственности напустил, что моё любопытство дало о себе знать. Если я спрашиваю что-то лишнее...

– Ничего страшного, – женщина вновь улыбнулась. – Спрашивай.

– Как становятся такими? Ну... вот это всё?

– Это долгая история.

– Я никуда не тороплюсь... – откинувшись на спинку диванчика, пристально посмотрела на женщину.

Та не отвела взгляда, наоборот, теперь меня старательно изучали. Спустя минуту, Мария вздохнула и устало спросила меня:

– Чай? Или чего покрепче?

Отрывисто кивнула. Значит, тест на пригодность я прошла. Женщина повернулась к барной стойке и, одёрнув шторку в сторону, хлопнула по гладкой столешнице:

– Жора, нам кофе и коньяк!

Глава вторая

МАЙ 2012

Майские праздники уже прошли. Теперь на носу была сессия. Никогда не любила это время. Начинается бесконечная нервогрёпка. Это только так кажется, что сессия у студентов. Для преподавателей – сущий ад, по крайней мере, для молодых. Таких, как я.

В школе, конечно, лучше. Там в июне практически свободен. ЕГЭ остроты добавляет, но подготовка уже пройдена. Остались только экзамены. И конец мучениям.

Меня же ожидают жаркие дни в душных аудиториях с не менее замученными студентами. Ну вот кому в такое время хочется повторять и учить интегралы?

Я стояла у дверей университета, тоскливо взирая на тёмные окна. Привычка приходить заранее осталась ещё с детства.

Поздоровалась с ребятами на пункте охраны, приложила пропуск к небольшому окошку у турникета. Секунда и торопливо застучала каблуками по мраморным ступенькам.

В аудитории было душно и пыльно. Меловая доска вся в разводах. Вздохнув, бросила сумку на стол и взяла тряпку. Это всё начинало надоедать: каждый раз перед уходом я намывала её, но буквально через день наблюдала знакомую картину. Просто бесит уже!

Сжимая тряпку, направилась к раковине в лаборантской. Там было ещё хуже. Спёртый воздух, тонувший в пылевой завесе, вызвал у меня резкий приступ кашля. Бросившись к окну, с громким треском деревянной рамы открыла створку и с наслаждением вдохнула ещё прохладного утреннего воздуха.

Совсем я забегалась, тут нужно было навести порядок. Давным-давно. Завал коробок: различные бумаги, старое оборудование – всё осталось от прежнего хозяина кабинета. Кипа списанных учебников и пособий, которые надо разобрать и расставить на стеллаже.

Мебель вообще нужно было, по большому счёту, ремонтировать. У шкафов отвисли дверцы, стеллаж покосился на один бок. Придётся пожертвовать каким-нибудь пособием и положить его под ножку.

Второй год преподавания – и мне выделили аудиторию. Невероятная честь! Нужно гордиться, отряхиваясь от злости и раздражения. Способный кандидат наук идёт к светлому и прекрасному.

Ага, как же. Нет, эту аудиторию я делю со своим бывшим научным руководителем, который спит и видит меня в науке. Умудрился проташить на защиту через три года, а не четыре. Я всё это время жила как загнанная цыганская лошадь, у которой грива в лентах, а задняя часть – в мыле.

Далось мне всё это, какой чёрт дёрнул поступать в аспирантуру?!

Мама.

Вздохнув, обвела тоскливым взглядом лаборантскую. Может за зачёт «автоматом» выбрать парочку студентов, чтобы они тут пошуршали чуток?

Нет. Через себя я переступить не смогу: проклятая честность и совесть покоя не дадут. Значит, ближайшая суббота пройдёт под девизом: чистой швабре – чистый пол.

Намочив тряпку, я полчаса намывала доску, пока она не стала удовлетворять моим высоким стандартам чистоты меловых досок. Иногда удивляю себя своей способностью к сарказму. Куда она только исчезает, когда дело перестаёт касаться меня?

Кошмар просто, а не доска. Почти все уже перешли на маркеры, а мы по старинке. Мелом. Я уж про интерактивные доски молчу. Хорошо хоть проектор есть, но и тот на ладан дышит.

Чертыхнувшись и чихнув не один раз, вспомнила, что не распечатала материалы к лекции.

В секретариате мгновенно подсунули кучу документов, где ещё вчера должна была стоять моя подпись. Потом завкафедрой решила, что сейчас именно тот момент, чтобы провести ликбез о посещаемости и успеваемости. К тому же я напрочь забыла про конференцию, и что в типографии до сих пор ждут мою статью. Водоворот дел утащил меня на дно.

В итоге вернулась я вся измотанная, с кипой как попало сложенных бумажек и дурным настроением. Слава Богу, всё-таки конец года и, к тому же, сегодня более или менее адекватные второкурсники. Им не надо объяснять, кто я и почему на лекциях нужно работать.

С удивлением отметив, что сидит только один поток, хмыкнула. Странно, изменений в расписании я не видела. Ну ладно...

Группа с педагогики. У них только эта лекция и пересекается с МФИ-шниками. Вот последних как раз и не было. Что, в принципе, не удивительно.

Я поздоровалась, попросила старосту составить мне список присутствующих. Нужно же знать, сколько вариантов практических материалов выдавать.

Пока девушки готовились к блиц-опросу, я перевязала растрепавшийся хвост, незаметно под столом сняла туфли и сунула ноги в удобные старые мокасины. Попробуй-ка восемь часов на каблуках отстоять. Но негласный дресс-код запрещал ходить в обуви на плоской подошве. Очередная прихоть нашего начальства

Отсортировав восемнадцать комплектов дополнительных материалов, начала спрашивать по прошлому теоретическому блоку, чтобы понять, что мои студенты помнят, а что упустили.

Я немного расслабилась. Так вышло, что на педагогике в этом году было только два парня. Они считали выше своих сил посещать мои занятия. Поэтому наша лекция проходила в чисто женском коллективе.

Девочки – умнички. Хорошо отвечали, мы даже немного пошутили. Закончив с опросом, я поставила большинству присутствующих по плюсу в свой журнал. Если человек трудится, это нужно отмечать.

Исписав половину доски сложной формулой, изредка спрашивая, всё ли в порядке, услышала топот ног. Хлопнула дверь, и в аудиторию ввалилась куча мала.

– Явились, не запылились, – еле сдержала себя, чтобы не наорать на этих лоботрясов.

– Мария Васильевна, здравствуйте! Мы не хотели, так получились.

Эти девятнадцатилетние лбы, хохоча и кривляясь, с вызовом смотрели на меня. Для них я – никто, пустое место. Всего лишь объект для сальных шуточек. Не сказать, что дураки, учёба им даётся, но вот дисциплина хромает на обе ноги. Сколько раз я отмахивалась от них перед сессией и скрепя сердце шла на уступки, закрывая хвосты. Благодарность была краткосрочной. Иногда мне казалось, что память у них, как у золотой рыбки.

Выгнать значит снова на ковёр идти. Впустить – простить, и без того сядут на шею. Но мысль о скорой расплате обнадёживала. Ух и достанется им на зачёте! Сто шкур спущу. И завкафедрой мне не помеха.

Поджав губы, снисходительно кивнула.

– Проходите, только тихо. Где ваш староста?

Проводила взглядом смеющихся студентов, занимающих свои места в аудитории.

Ну, вот и он. Вечно лохматая голова мелькнула на задних рядах. Мажорный мальчик с заигравшимся эго. Мне как минимум было бы стыдно ходить с таким гнездом на голове. Но сейчас это модная укладка. И невыносимо душный запах мускуса. Ещё одна причина, по которой не пошла в школу – мой чувствительный нос – моё больное место. Я ненавижу все эти мерзкие запахи-спутники бурного пубертата. Здесь попроще, но находятся и такие уникалы, за которыми, как ни странно, увиваются толпы юных девиц.

Чувствую себя настоящим синим чулком.

Олег склонился над моим столом, и я чётко уловила запах алкоголя. Но он совсем этого не стеснялся. С громким хлопком положил на стол лист, исписанный идеальным почерком.

Задержав дыхание, еле заметно кивнула.

– Спасибо.

– Не за что, Мария Васильевна.

Парень нагло ухмыльнулся и вернулся назад под одобрителный шумок.

Ну вот как с этим бороться?

* * *

В конце лекции я сделала небольшое объявление. Всё-таки пришлось договориться с собственной совестью.

– Ребят, мне нужна ваша помощь. В субботу. Надо навести порядок в лаборантской. Зачёт не обещаю, но за оказанную помощь буду благодарна. Мальчики, вас это особенно касается.

Я недобро зыркнула на распоясавшихся студентов. Но этим лишь породила ещё один взрыв хохота.

Господи, как же они меня раздражают. Невыносимо просто. Всё-таки чёрт дёрнул идти сюда работать. Как можно серьёзно воспринимать преподавателя, который всего на пару лет старше тебя? Да ещё и по поведению мямля. Ну вот ничего не могу поделать с собой. Внутри киплю и взрываюсь, но на выходе пшик, а в ответ снова смех и улыбки.

Плюс ко всему внешность школьницы-переростка. Эдакий милый херувимчик. Нет у меня внутреннего стержня. Мой подход: как ко мне, так и я к тебе. И он совсем не работает с теми, кому всё по...

Других рычагов воздействия меня лишили. Завкафедрой после плохих результатов зимней сессии, пришла на лекции и наблюдала за мной. Потом всё это комментировала. Едко и цинично. Конечно, почему бы соплюшку уму-разуму не поучить? Прилюдно. Размазала меня тонким слоем, доведя до истерики. И это доктор наук. Верх педагогичности. Авторитет? П-ф. Можно забыть об этом слове. Теперь я девочка для битья.

Ещё этот Олег. Р-р-р... Зла просто не хватало на обалдую. Отучился два года, провалил сессию и по академке в армию загремел. Отслужил, пришёл и восстановился. И теперь обладает просто непоколебимым авторитетом. Мужик же! А тут я, сама невинность во плоти, вечно краснеющая и смущающаяся. И разница в возрасте просто ерундовая.

Надо было лучше в школу идти. Там, как минимум, разница в возрасте больше.

Но увы... Я просто уже очень сильно устала от его поведения и гнусных намёков. Сначала боялся моего мужа, ну а после развода как с цепи сорвался. Продыху от него нет. Ещё и предмет у него два года вести. Застрелиться просто.

Ну что я за размазня? Ни педагогической хватки, ни силы воли.

И вот снова этот похотливый взгляд. Треснуть бы его, хорошенько так. Словно прочитав мои мысли, он осклабился и юморнул:

– Это типа, если поможем, то порки на зачёте не будет?

– Вас, Лосовский, даже розги не исправят. Какой смысл напрягаться? Увидеть Вас без штанов? Спасибо, у меня и так жизнь тяжёлая, не переживу.

Теперь ответный взрыв хохота, но уже как реакция на мою шутку. Олег побледнел и молча сел за парту. Судя по его взгляду, мне объявили войну.

* * *

Суббота выдалась настолько жаркой, что пришлось надеть сарафан, иначе до работы я доехала бы в состоянии варёной колбаски. Метро порадовало малым количеством людей, плюхнувшись на сидение, достала книгу и погрузилась в чтение. Зачитавшись, чуть не проехала свою станцию.

Пришлось бежать. Выскочив пробкой из вагона, на автомате помчалась к эскалатору. В итоге, запутавшись в книге, сумке и в то и дело съезжающих лямках сарафана, вышла из

метро вся взмокшая. Ткань неприятно липла к спине. Стоя под сильными потоками воздуха, пожалела, что не взяла кофточку. Так и простыть недолго.

Эта неделя нижняя, и занятий в субботу не было, только факультативы. Возле входа меня ждали мои ребята: две девушки и Олег. Сердце ёкнуло. С трудом проглотив комок, застрявший в горле, я на негнущихся ногах подошла к дверям.

– Всем доброго утра! Ну что, идём?

Парень всю дорогу сохранял молчание, да и вообще вёл себя странно. С девочками я обсуждала новый фильм – в начале мая вышли «Мстители». Мы так увлеклись разговором, что чуть не прошли мимо аудитории. Я полезла в сумку за связкой ключей, выбрав нужный, со скрипом вставила его в замок.

Дверь не хотела поддаваться, поэтому Олегу пришлось приложить силу. Он прижался плечом к рассохшемуся дереву, бросая на меня недвусмысленные взгляды. Краснея то ли от злости, то ли от стыда, с вызовом смотрела ему в лицо.

В аудитории было жарко, и, первым делом, я попросила ребят открыть окна, а сама направилась напрямик в лаборантскую. Положив ключи на стол, сумочку повесила на спинку стула, подошла к шкафу. Достала себе рабочий халат, тряпки и ведра. И пару перчаток.

Со вздохом окинула поле битвы. Узкая прямоугольная комната с тремя шкафами, стеллаж с книгами, стол, заваленный бумагами, и старенький компьютер. Дальше склад коробок, доставшийся мне от прежнего преподавателя. На подоконнике обитали полуживые цветы.

Услышав смех у себя за спиной, я обернулась. Олег травил байки, а девушки только хихикали, смущённо краснея. Небось, боевым опытом делится.

Я поджала губы и недовольно фыркнула.

– Так, начнём отсюда. Лера, Оксана, выносите цветы, протрите горшки, листья сухие оберите и устройте им баньку в туалете. Олег, вытаскивай все эти коробки в аудиторию. Потом глянем, что с ними делать будем. Я пока окнами займусь.

Девушки взяли одно ведро, тряпки и стали перетаскивать цветы в аудиторию. Олег, встав руки в бока, уныло разглядывал целую гряду пыльных коробок.

Я, взяв ведро воды в одну руку, другой подхватила стул и со вздохом направилась к высокому подоконнику. Он мне был почти по грудь. Скинув босоножки, я, поборов страх упасть, оказалась наверху. Старые деревянные рамы скрипели и не желали поддаваться, пришлось изрядно попотеть, чтобы открыть окно.

Грязные стёкла в сплошных разводах. За ними прекрасный вид на утренний город. Исторический центр был как на ладони. Узкие улицы, наполненные спешащими людьми, бесконечные потоки машин. Вдохнула свежего весеннего воздуха, вернулась к замызганным окнам.

В синтетическом халате было жарко. Но и снимать его не хотелось. Всё-таки нужно было надеть футболку и шорты. И плевать, кто что подумает.

Откинула голову назад, утирая пот со лба. Моё лицо покраснелось, и теперь я точно как спелый помидор. Туго собранные волосы провоцировали нудную боль в голове. Развязав хвост, быстро прошлась рукой по затылку.

Ну его, этот халат. Раздражённо дёрнула хвостик «собачки», расстёгивая молнию, и отбросила пыточное средство в сторону. Нужно было хлопковый покупать, а не эту дешёвку.

Вода в ведре вскоре стала настолько грязной, что я решила вылить её в туалет, иначе потом раковину в лаборантской не отмою.

Девочки ещё не вернулись, а Олег ковырялся в ящиках. Его тёмно-зелёная футболка отчётливо намочила от жары возле шеи и подмышками.

Я, шатаясь, осторожно спустилась и направилась к двери. Дёрнула за ручку раз, другой, та не открывалась. Заело?

Отставила ведро в сторону и, уперев колено в косяк, попробовала дёрнуть ещё сильнее, но ничего не вышло. Да что такое...

Крепкая мужская ладонь легла на дверь прямо передо мной.

– Я её закрыл. На ключ. Он у меня.

Олег тяжело дышал у меня за спиной.

Резкое осознание ситуации пронзило моё тело током. В горле пересохло. Не веря в происходящее, затаила дыхание. Помедлив, всё же собрала всю силу воли в кулак, развернулась и как можно серьёзнее и строже произнесла:

– Вы что, совсем умом тронулись?

– Перестань! Тоже мне цаца нашлась.

Он положил вторую руку на дверь так, что я оказалась зажатой между ней и ним, словно в капкане. И снова в нос ударил этот резкий мускусный запах.

От страха в груди похолодело, а сердце замерло. Прислоняясь к шершавой двери, судорожно сжимала и разжимала резко взмокшие ладони. Мне было очень страшно смотреть ему в лицо. Вместо того, чтобы закричать и позвать на помощь, я, с трудом поборов себя, промямлила:

– Лосовский, у Вас тепловой удар, похоже. Тяжело дышите, вспотели. Вам к врачу надо. Но ничего, я вас провожу.

– Закрой рот.

Его пальцы нарочито грубо прошлись по моей щеке. Другая рука вцепилась в бедро, сминающая ткань сарафана и больно давя, царапая кожу. Во взгляде было столько похоти и злобы... Всё стало понятно в один миг. Только ещё не в полной мере осознала опасность своего положения.

Это уже ни в какие рамки! Дрожа от ярости, я залепила ему звонкую пощёчину. Алый след мгновенно вспыхнул на его лице.

Ответный удар был такой силы, что мне показалось, будто моя голова взорвалась. В ушах стоял звон, а из глаз брызнули слёзы, охнув, я схватилась за щеку. Правая скула горела адским огнём, губы пульсировали болью.

– Помо...

Мой крик был заглушён грубой ладонью. Глотая слёзы, смотрела в его тёмные холодные глаза и с ужасом видела в них наслаждение ситуацией. Он упивался своей властью и моей беспомощностью.

Ничего не соображая, инстинктивно укусила мерзавца за руку, одновременно пнув ногой. Кажется, попала ему в колено. Ещё один удар, и я упала на пол, чудом разминувшись с острым углом стола. Рыдая от ужаса и страха, поднялась на трясущиеся ноги и поспешила к стулу. На нём лежала сумка с моим телефоном.

Тяжёлые шаги и хриплое дыхание. Оставалось совсем чуть-чуть, как моя вытянутая рука оказалась в стальном захвате, взыв от боли, попыталась дёрнуться. Но Олег держал меня крепко, одним рывком развернул к себе, словно я была тряпичной куклой.

Выворачивая мою руку назад, потянул жалобно затрещавшую ткань сарафана на себя.

– Отпусти меня, скотина! – взывала от боли и вспыхнувшего вновь гнева.

– Сопротивляйся, так даже интересней, – хрипло прошипел он мне на ухо.

Очередной удар наотмашь, и я полетела на пол спиной вперёд. Больно ударившись головой и копчиком, протяжно застонала. В глазах двоилось, мутная пелена слёз размывала всё передо мной.

Что-то звякнуло.

– Ну что? Всё так же не хочешь увидеть меня без штанов? – он расстёгивал ремень.

Мотая головой, ползла на локтях назад. Нет, нет, нет! Это всё выдумка, сон, да, ужасный кошмар. Сейчас я проснусь, вот сейчас, сейчас. Время словно застыло, узкая лаборантская казалась мне бесконечной. Я всё ползла и ползла. Олег же никуда не торопился. Он медленно наступал на меня. Вот вытянул ремень, намотал его на кулак. Будто очнувшись от забытья, попыталась вразумить его.

– Ты понимаешь, что наделал? Тебе же тюрьма светит, – моя нижняя губа лопнула, и рот наполнился металлическим вкусом крови.

– Какая тюрьма? Всё по согласию. Тем более, я ещё пока ничего не сделал. Это всего лишь самозащита, ты сама напала на меня. Видишь ли, всё было вот так: беззащитный студент и преподавательница, потребовавшая секс-услуги за хорошую оценку на экзамене. Не все же деньгами берут, такие, как ты, требуют натурой.

– Кто поверит в эту ерунду?

– Ну что же, тогда мы скоро встретимся с тобой в суде... – нездоровый блеск его глаз усиливал мою панику.

Я всё ползла, не сводя с него взгляда, стирая локти в кровь о старый дощатый пол, пока не уткнулась спиной в батарею. Это конец. Он этого ждал.

Робкая попытка подняться на ноги тут же была прервана. Олег подмял меня под себя, рывком перевернув на живот. Я пыталась лягаться и кричать, но мои усилия выглядели совсем жалко: он был больше и крупнее. Слабая хрупкая девушка против здорового парня.

Его правая рука вцепилась в мои волосы, левой он закрыл мой рот. Я царапалась и пыталась оторвать эту лапу от своего лица, но ему было всё равно.

– Понимаешь, я больше так не могу. Тебе просто надо было согласиться, но ты, сучка, упёрлась, корча из себя саму невинность. Думал, после развода пойдёшь. Но нет же...

Коленом развёл мои ноги и отпустил волосы. Он с силой вжимал меня в пол, пока яростно дёргал застёжку на сарафане. Внутри снова поднималась жгучая волна гнева, перебивая панику, а ещё примешивалось что-то... Необъяснимый жар и слабость, от которых всё тело обмякло.

Взвизгнула молния. Его руки царапали мою спину, жадные поцелуи обжигали шею, выбивая весь воздух из лёгких. Задышавшись, замерла, словно тело не хотело бороться. Мне казалось, что я наблюдаю за всем сверху. Тело и разум не могли договориться.

Протяжный стон заставил очнуться.

Это был мой стон.

– Видишь, ты сама не против. Признайся, как давно ты меня хочешь? – въедливый шёпот, от которого я мгновенно покрылась мурашками.

Сбоку что-то звякнуло, осторожно щупая руками пол, терпела грубые ласки.

Где же он, где? Перебирая пальцами, схватилась за жалкий кусок металла, мой единственный шанс. Сжав ключ в кулаке, выжидательно замерла. Поняв, что я сдалась, Олег расслабился. Он пытался задрать сарафан, но у него ничего не выходило. Ослабил хватку и рывком перевернул меня на спину. Я видела триумф на его лице, как же он упивался сам собой, своей властью, тем, что происходит.

Больной ублюдок!

Изловчившись, со всей силы ударила его в пах. Он скорчился, зашипел от боли и выпустил меня из рук.

Ужом вывернувшись из-под насильника, я поковыляла к двери.

– Сука-а-а... – протяжный хрип придал мне ускорения.

Я слышала, как Олег встал, он почти нагнал меня. Вот-вот его руки вцепятся в мои волосы и снова всё повторится.

Вдруг в коридоре раздались голоса.

– Лера! Оксана! – крикнула, что есть мочи и забарабанила кулаками в дверь.

– Мария Васильевна?

– Тут у нас и эту дверь заело. Сходите на пост охраны, пусть придут, – я прижалась спиной к двери, чувствуя, что ноги вот-вот подведут меня.

Олег ошарашено замер, он молча смотрел на меня. Взгляд разъярённого зверя. Ещё бы, долгожданная добыча уплыла из рук.

– Ты сейчас уйдёшь. Просто выйдешь и уйдёшь, – устало дыша, утёрла кровь с подбородка. – Советую забрать документы. Жизни здесь тебе я не дам. Приложу все силы.

Яростно провернула скрипнувший ключ в замке и отошла в сторону.

– Догонишь девочек и скажешь, чтобы охрану не звали. Всё понял? Пошёл вон! – всё ещё мелко дрожащей рукой дёрнула дверь на себя.

Олег, медлил, бросая на меня полный злости взгляд. Он едва сдерживался, сжав кулаки. Оглушительный треск: от бессилия ударил по двери совсем рядом с моим лицом. Вздвигнув, ещё крепче вцепилась в дверную ручку. Закрыв за Олегом дверь, обессилено опустилась на пол и долго прислушивалась к шагам в коридоре. Наконец всё стихло.

Ушёл.

Схватила за грудь, растирая кожу, пыталась унять ноющую боль. Я казалась себе невыносимо грязной, от меня пахло им. Передёрнувшись от омерзения, дала волю чувствам. Слезы обжигали лицо, невыносимо больно напоминая о каждом ударе.

Что теперь будет?

* * *

Я с трудом отработала до отпуска. Дни шли нескончаемой вереницей, похожие один на другой. Всё делала на автомате, состояние апатии и страх, растущий по мере приближения сессии. Каждый шорох и тень заставляли коченеть от ужаса.

И стыд, липкий, жгучий. Каждый взгляд, каждая фраза окружающих воспринимались мной слишком болезненно. Я смотрела людям в глаза, и мне казалось, что они всё знают.

Это сводило с ума.

Первой мыслью было рассказать о том, что случилось. Растереть этого мерзавца в пыль. Но... Кое-что ещё, кроме стыда, боли и унижения всякий раз останавливало. Что-то, что пугало меня гораздо больше, что говорило и о моей вине в произошедшем. Иногда казалось, что я схожу с ума.

Олег на зачёт не явился, передачу назначили другому преподавателю. Облегчение было недолгим.

Этот дамоклов меч всё ещё висел надо мной, предвещая неизбежную гибель.

Я стала плохо спать. Каждый раз мне снилась эта лаборантская, невыносимо узкая, с тёмными стенами. Физически ощущала всю ту боль, просыпалась совершенно разбитой: крича от ужаса и со слезами на глазах.

Ещё и мама подключилась к травле, подливая масла в огонь. Моё состояние она списала на депрессию по поводу развода. Даже не удосужилась спросить, что со мной не так.

Было стыдно смотреть ей в глаза, отводила взгляд, вжимая голову в плечи. Она и так не с восторгом приняла наш разрыв с Игорем. Но тут я ничего не могла поделать. Он ушёл сам. Собрал вещи и ушёл, не сказав ни слова. Я ей так и не объяснила почему. Какой был в этом смысл? Если всё равно виноватой останусь я.

Она продолжала пилить меня изо дня в день, бубня и сетуя на свою нелёгкую долю. Ведь дочь выросла непутёвая и неблагодарная!

Зарплата маленькая, живу с ней. Мужа нет. Перспектив тоже. Мол, одна тебя воспитала, думала, на старости лет заживу. И тут я с чемоданом. Квартиру брали в ипотеку, мне просто её не потянуть – вот и переоформил Игорь всё на себя. Я не стала возражать.

Бесхарактерная размазня... До сих пор поздравляю его с праздниками. Он ни разу не ответил. Чуда не произошло.

Вот и сейчас мама завела шарманку. Я понуро сидела и страдала над чашкой с кофе, который уже должен был покрыться ледяной коркой, когда запахло грозой.

– Ну что ты сидишь. Хоть чем-нибудь занялась бы! Полы помыла, например. Матери помогла.

– У меня выходной, – сжав зубы, тихо процедила.

– А у меня нет выходных! – громко звякнула тарелка в раковине. Мама нервно включила кран. Тот пшикнул, плюнул и задрожал. – Опять сломался. Был бы Игорёша, починил бы. Такого хорошего мужчину не смогла удержать.

По моим щекам потекли слёзы. Внутри скручивался целый комок чувств и эмоций. Обида. Она так и не заметила, что со мной что-то страшное произошло. Может, не стоило так тщательно скрывать все эти следы...

Снова виновата. Это не Игорёша ушёл к моей подруге. Вовсе нет, это я не смогла его удержать! Последняя капля переполнила чашу терпения.

Голос разума твердил, что мама неплохой человек. Просто очень резкий, строгий. Мне же всегда с ней было тяжело. Особенно после того, как умер папа. Я была слишком мала, чтобы понять это. Счастливой и улыбающейся маму можно видеть уже долгие годы только на старых фотографиях, когда на мне ещё красовались белые банты.

Я ей благодарна, она воспитала меня, дала мне образование. Подняла на ноги. Но мне тоже было тяжело! Она не понимает, что я убежала замуж только из-за неё. Высказать ей всё в лицо у меня никогда не хватало сил.

Глотая слёзы и нервно грызя ногти, смотрела на чашку с остывшим кофе.

– Ты что, опять плачешь? Сколько можно? – сердитый возглас потонул в странном шуме. Мама и дальше возмущалась, но все звуки превратились в непонятный гул.

Ослепительная вспышка. Звуки, запахи, чувства – всё ушло на задний план. Я летела на свет, не ощущая своего тела.

* * *

Пронзительная боль прожгла сознание раскалённой спицей. Мотнув головой, очнулась от забытья. Сквозь мутную пелену слёз проступало тёмно-красное пятно. Я подняла голову: мама стояла возле плиты, и на её лице чётко читались ужас и непонимание.

Белые осколки фарфора яркой россыпью лежали на столе и полу. Холодный кофе растёкся лужицей по столу и мерно капал мне на колени. Грудь тяжело вздымалась, в руке я сжимала остатки ручки, острые края впивались в кожу, и горячая кровь капала на стол. Я разжала ладонь, и окровавленный кусок чашки со звоном полетел вниз.

– Ненавижу... ненавижу... ненавижу... – губы почти беззвучно говорили одно и то же слово.

Хотелось кричать, ломать, рвать, бить. Это была квинтэссенция чистого гнева и ярости. Меня даже потряхивало. Внутри клокотало и кипело нечто.

Толкнув стол, размазывая слёзы окровавленной рукой, рванула в ванну. Сердце стучало как сумасшедшее. Я просто задыхалась, воздуха не хватало.

Ненавижу себя.

Эта мысль оказалась такой очевидной.

Сидя на краю ванны, промывала ладонь под тёплой струёй воды.

Как же я ненавижу себя...

В дверь постучались.

– Да.

– Ты в порядке? – голос мамы напоминал мне шелест сухой травы.

– Жива, – резко ответила, вывернув ручку крана до упора. Шум воды заглушил её ответ.

Жива. Словно заведённая, я твердила и твердила себе это короткое слово. Меня как провало. От солёных слёз опухли веки, глаза горели огнём. Всхлипывая, умылась, но легче не стало.

Скинув растянутую старую футболку на пол, вместе с шортами и нижним бельём, залезла под душ. Упругие струи горячей воды расслабляли и согревали моё разбитое тело. Я оперлась на холодную кафельную стену обеими руками и опустила голову. Вода стекала по волосам, смешиваясь со слезами.

Это всё реально? Всё, что произошло?

Пошевелила пальцами ног. Вода мерно плескалась.

Реально.

Буря внутри разыгралась не на шутку. Кусая губы, яростно моргала, прислушиваясь к себе.

Мне бы никто не поверил. Ведь в чём-то он был прав...

От этой мысли хотелось утопиться. Но одно лишь воспоминание об Олеге всколыхнуло нечто, отчего я бежала и задавливала в себе всеми силами.

Рука сама потянулась к низу живота. Всегда в такой момент во мне боролись стыд и страсть, обычно побеждал первый. Но не сегодня. Мне хотелось потушить тот предательский огонь, что медленно разливался по венам.

Пальцы сами тянулись к самому сокровенному. И как только они достигли цели, с моих губ сорвался стон. Как тогда. Мотнув головой, гнала прочь мерзкую мысль. Чёрт, почему так хорошо? Не так, как обычно... Мне не было так хорошо даже от умелых ласк мужа – от его попыток доставить мне удовольствие я испытывала скорее стыд...

Но сейчас... невероятно, от каждого прикосновения мой разум мутнел, прожигаемый миллионом раскалённых игл.

Заглушая стоны, я впиалась в собственную руку, опершись лбом о кафель. Вода ласкала тело, ритмичной волной погружая меня в пучину расплённого желания.

Вновь и вновь передо мной эта картина. Я не могу от неё избавиться. И мне не нужен он... Вместо него представляется кто-то абстрактный, сильный и уверенный. От запаха его тела сердце замирает, а внизу становится предательски мокро. Вот и сейчас...

Почему так?

Закусив другую руку зубами, я заглушала стоны. Смежив веки, пыталась избавиться от наваждения. Но оно не исчезало, а наоборот сильнее и сильнее затягивало меня.

Руки на моей спине. Горячие, они вжимают меня в пол, выдавливая весь воздух из лёгких. От этого сводит живот и немеет тело. Я почти физически ощущаю ту самую тяжесть мужского тела. Его колено между своих ног. Грубую мужскую ладонь на своём лице.

От удовольствия сводило зубы, а разгорячённое дыхание вдруг стало обжигающе холодным. Я выдыхала вновь и вновь. Моё тело не слушалось меня. Оно горело, пылало, охваченное сладкой истомой в предвкушении чего-то большего.

Я не могла достичь пика. Растревоженное желание горячило сознание всё больше и больше. Требовало дикости, безудержности, полной самоотдачи. Но я не могла переступить через себя.

Удар. Как яркая вспышка. Прошибло током.

Моя голова инстинктивно дёрнулась. Обжигающая ладонь на моей щеке. Вновь и вновь. Я открыла глаза. Всё было как тогда. Я видела его шею, пульсирующую артерию и капельки пота, смуглую кожу, покрытую испариной.

Почему мне так хорошо от одних воспоминаний моего мучителя, чуть не ставшего насильником? Почему?

Хватило лишь той мысли, чем бы всё закончилось. Как острой волной смыло все мысли и желания. Тело конвульсивно содрогалось, а рука, прокушенная до крови, не смогла сдержать звериный вопль наслаждения.

Соскользнув в ванну, я как могла свернулась калачиком. Вода смывала пот, кровь, слёзы. Но чище я не становилась. Меня словно макнули в грязь с головой. И сколько бы я ни мылась, она не оттиралась. Вьёвшись в мою кожу, стала частью меня.

Он отравил меня. Этот яд пульсировал во мне, сводил с ума, доводил до иступления. Почему мне это... нравится? Никогда мне не было так хорошо.

Может, не стоило останавливать Олега. Что бы было, если он дошёл до конца?

От одного воспоминания о разгорячённой мужской плоти руки снова опустились вниз. Словно было мало всего того, что уже случилось. И вот снова этот холодящий ком в горле и хриплое дыхание. Я не могу... Не могу совладать со своим телом. Оно объявило мне революцию, бунт!

Сжав ноги, приглушённо стонала, захлёбываясь под горячими потоками воды. Мне хотелось его. Туда...

Может, мне просто не хватает секса? Нет. Нужно смотреть правде в глаза: Игорь никогда не вызывал у меня такого желания. Секс с ним всегда ощущался пресным и неинтересным... Мне ни разу не было с ним хорошо. Вот почему мы развелись. Именно поэтому. Всё, на что я способна – лишь механическое совокупление. Не знаю, как это по-другому назвать. Без чувств, без эмоций, без страсти.

* * *

Снова это горячее дыхание на моей коже, чуть шершавая ладонь, невероятно тёплая. Моя фантазия сама дорисовала желаемое. Я почти физически ощутила его в себе...

Сладостная боль взорвала моё тело, оно разбилось на миллионы кусочков, прошиваемых вновь и вновь волнами страсти.

Я слышала, как мама молотила кулаками в дверь и что-то кричала. Перед глазами был холодный белый потолок. Вода почти заливала моё лицо. Она уносила меня куда-то далеко-далеко, нежно укачивая.

Это не может быть так. Не может. Неправильно.

Сломал меня. Добился своего.

Мерзость.

Я упала в самый низ. Нет, я продолжаю падать. Падаю.

Но почему от этого так легко?

Я ненормальная.

Ненормальная! Ненормальная? Ненормальная.

Ненормальная...

Глава третья

НОЯБРЬ 2017

Руки инстинктивно сжимали чашку. Стуча ногтями по гладкой керамике, я старалась не смотреть на Машу. На меня будто ушат грязи вылили.

Она так спокойно обо всём этом рассказывала.

Мы замолкли. Я не слышала музыки, не обращала внимания на других людей. Передо мной была только зияющая чернота кофе с терпким ароматом коньяка. Иногда в поле моего зрения попадали губы Маши, аккуратно подведённые тёмной помадой.

– Прости, что перебиваю... Почему ты не рассказала?

– О чём? – Маша почти бесшумно прихлебнула кофе. На её лице не дрогнул ни один мускул.

Да уж, спокойна как удав. Сколько прошло времени? Почти пять лет?

– О том, что случилось, об Олеге, в конце концов.

– Хм, если честно, до сих пор не знаю. Я оказалась не готова к тому, что произошло со мной.

– Можно ли, вообще, быть готовой к такому?

– Оказалось, можно.

Удивлённо подняла на неё взгляд, Маша о чём-то думала, смотря словно сквозь меня.

– Ладно, я тебе перебила. Продолжай.

* * *

АВГУСТ 2012

– Ты чего на обед не идёшь?

Немного хриплый голос после сна заставил меня всё-таки открыть глаза. Рядом стояла соседка по палате. Таня куталась в розовый махровый халат, переминаясь с ноги на ногу. На её смешных тапках-зайцах тряслись длинные уши. Выглядело это всё забавно.

Я улыбнулась.

– Не хочу.

– Ну давай хоть чай принесу? Сегодня чай и, по-моему, печенье. Так принести?

Она подошла ко мне совсем близко. Настолько, что я инстинктивно вжалась в кровать, накрываясь одеялом. Улыбка сползла с моего лица и вернулась прежняя хандра. Как же всё надоело. Вся эта грёбаная, беспросветная жизнь.

Видимо, мой взгляд был красноречивей любых слов. Его оказалось достаточно, чтобы Таня покраснела и осеклась:

– Прости.

Не хотела её обидеть. Ведь она ничего такого не помышляла. Глаза наполнились слезами от невыносимого жара. Медленно моргая смотрела, как Таня разворачивается и уходит, негромко хлопнув дверью.

Я снова отвернулась к стене и закрыла глаза. Спать совершенно не хотелось. Но смотреть было невыносимо тяжело: от высокой температуры глаза чудовищно болели.

Мои сидения в ванной не прошли даром. Отрешённость и невнимательность, холодная вода и, здравствуй, цистит. Боли были адские. Казалось, что всё внутри сплели в тугий узел. Огненные волны выжигали всё, заставляя корчиться и рыдать.

Вместо того чтобы обратиться к врачу, мама решила полечить меня домашними методами. Сунула бутылку с горячей водой, обёрнутой полотенцем, между ног и поила малиной. От этого стало только хуже. В итоге меня в полубредовом состоянии забрала неотложка ночью.

Капельницы, осмотры врачей, уколы. Боль долго не хотела отступать, стирая дни, превращая время в тягучий, мучительный кисель. Но всё же я была ей благодарна: она выветрила напрочь все мысли из моей головы, дав такой желанный отдых.

Несколько дней провела в желанном одиночестве, отходя от непонятного состояния. Это было почти замечательное время. Я всюду наслаждалась тишиной и покоем. Но как только боль ушла, вернулись старые знакомцы: навязчивые мысли так и лезли в голову, отравляя мне жизнь.

Самоедство привело к тому, что когда на пороге палаты в обнимку с объёмной спортивной сумкой появилась пухленькая Таня, я была чрезвычайно рада. Она поступила по плану госпитализации, несмотря на свой мимолётный интерес, не стала вдаваться в её болячки. Вокруг неё сразу засуетились врачи, многих она знала поимённо. Не в первый раз здесь, видимо. Лекарств у неё была полная тумбочка.

Таня оказалась очень живой девушкой, смешливой и заводной. И хотя мне совсем не хотелось разговаривать, она нашла ко мне подход.

– Ты здесь не в первый раз?

– Ну да, а как ты догадалась? – девушка мягко улыбнулась, продемонстрировав мне весьма милые ямочки на бледных щеках.

– У тебя лекарств больше, чем у меня продуктов дома. Не просто так их пьёшь, верно? – я повернулась набок и поморщилась от неприятных ощущений – отсыревшая от слёз подушка холодила кожу.

– Наградила меня матушка природа, – Таня продолжала улыбаться, развязывая пакет с яблоками. – Хочешь?

– Нет, спасибо, – тоскливо посмотрела в окно.

Солнце светит, погода хорошая, а мне так тошно, что даже кусок в горло не лезет.

Дав понять, что разговор закончен, повернулась на спину и закрыла глаза. Хотя присутствие другого человека успокаивало, но не настолько, чтобы стало спокойно и уютно. Чувство отвращения к самой себе никуда не ушло. Иногда мелькала крамольная мысль, что, может, не лечиться? Оставить всё как есть. Что, если это наказание за всё? Ведь произошедшее...

Врачи же словно чувствовали мой настрой, пытая свои бесконечными расспросами. В кабинете у гинеколога я еле сдерживала слёзы. С апатией смотря в потолок, представляла как лечу с крыши многоэтажного дома. От прикосновения мужской ладони чуть не завывала в голос.

– Всё в порядке?

– Да, просто... Показалось, – я скрестила руки на животе. Почему так долго?

Врач осматривал меня, брал мазки и почему-то молчал. Почувствовал что? Неужели выдала себя чем-то?

– Можешь встать и одеваться.

Неловко топчась на месте, натягивала футболку. Было до ужаса страшно и противно. Ведь это всего лишь обычный осмотр у гинеколога. Что было бы, если я решилась сказать правду? Пришлось бы сесть, всё рассказать, показать. И, наверное, не один раз. Щёки вспыхнули болезненным румянцем. Почему стыдно мне, а не ему? Разве я напала на него? Сделала ему так больно? Лишила сна и рассудка? Нет. Но стыд и отвращение к себе испытывала только я. Накинув халат на плечи, вышла из-за ширмы. Мужчина кивком указал на стул.

– Жалобы есть?

– Нет.

– Ты даже не спросишь, что с твоими анализами? – врач снял очки и пристально посмотрел на меня.

– Анализы как анализы... Были бы плохими, мне бы уже медсестра сказала. Значит, всё в норме.

– А ты домой не хочешь?

– Выздоровела – выпишите, нет, значит, лечите, – отвела взгляд, мечтая поскорее выйти из смотровой.

– С тобой точно всё в порядке? – отложил ручку в сторону и уставился на меня колючим взглядом.

– Да.

– Хорошо. Результаты анализов у твоего лечащего врача.

Выдохнув, уставилась в потолок.

Домой я не хотела. В больнице хотя бы не было мамы. После того случая она меня не трогала, но я постоянно чувствовала на себе её взгляд. И от этого просто закипала. Жалость у неё выходила мерзкой и липкой. Слово меня можно было только добить, чтобы не усугублять мои страдания. От этого постоянно хотелось помыться и забиться в самый дальний угол. Но плюс всё же был: причитать перестала.

Я же просто свела моё общение с ней к минимуму. Жили как соседи. Она уходила на работу, я выходила из комнаты. Возвращалась – запирала дверь и просила не тревожить меня. Были жалкие попытки узнать, что произошло. Но я их пресекала. На улицу не выходила. С друзьями не хотела, да и не могла общаться. Мои беды были только моими.

Впереди маячила перспектива выхода на работу. От одной только мысли меня начинало мутить. Работа. Я себе в глаза посмотреть не могу... Как тогда смотреть в лицо студентам? Коллегам?

А если Олег не ушёл...

Что я могу сделать? Выгнать его? Это были лишь слова... «Приложу всё силы». На деле-то ничего не выйдет! Ни-че-го.

Поэтому, когда в конце июля я неожиданно заболела, несмотря на всю боль и постоянный жар, была благодарна судьбе. Отпуск продлевался ещё недели на две. Это не могло не радовать.

Тихий звон ложки о стекло. Вернувшись в реальность из воспоминаний и размышлений, обернулась на звук: на тумбочке рядом с моей кроватью стоял стакан с чаем, лежало печенье. Всё-таки принесла.

Таня прошла к своей кровати и снова уткнулась в книжку. Она с таким интересом перелистывала страницы, что мне даже стало завидно.

– Ты что, всегда так быстро читаешь?

– Что? – девушка отвлеклась и непонимающе посмотрела на меня.

– Быстро читаешь.

– А-а-а. Нет, просто пролистываю. Я уже читала эту книгу. Сейчас лучшие моменты просматриваю, освежаю в памяти, так сказать. Это не книга, а бомба!

– Да? А что за книга?

– Пятьдесят оттенков...

– Чего?

– Ты что... – лицо девушки сейчас было олицетворением шока. – Не слышала? О ней все говорят! Бестселлер! Круче «Сумерек»!

Я кисло улыбнулась. Такое чтение наверняка не для меня.

Тяжёлая объёмная книга упала рядом со мной на кровать. Я недоумённо посмотрела на Таню. Та лишь по-доброму хмурилась.

– Читай. Лежишь, скучаешь. У меня ещё книги есть. Я тут надолго. Так что давай, отвлечись.

Обложка с изображением серого галстука и многообещающим названием не вселяла уверенности. Ещё и аннотация невнятная. Ладно, будем считать, что на безрыбье и рак – рыба.

Книга шла тяжело. Точнее, никак: я как будто жевала картон.

И что в ней такого «бомбического»? Нет, я определённо старуха в теле молодой девушки. Иначе как объяснить моё непонимание этой современной моды. Читаю непопулярные книги,

слушаю непопулярную музыку. Фильмы смотрю всё, но любимые, опять же непопулярные. Одежду ношу ту, что мне идёт и нравится, а не по требованию каких-то законов «последнего писка».

Я словно не в том времени живу. И не в том теле. Мисс Непопулярность. Или мисс Неадекватность? В свете последних событий скорее второе.

Вновь отвлеклась от скучного текста и выдохнула. Бомбически неинтересно. Решив последовать примеру Тани, перелистала книгу, читая текст наискосок.

Неожиданно в горле встал комок, а внутри похолодело. Продираясь сквозь несуразность слов и скудность описаний, я увидела то, что не ожидала. Эмоции и чувство. То, из-за чего мучаюсь всё последнее время. Я дочитала сцену до конца и закрыла книгу. Больше не могу.

К горлу подкатила тошнота. С трудом сдерживая волнение, отдала книгу Тане.

– Ты что, всё?

– Да нет, не пошло как-то...

Таня хмыкнула и пожала плечами.

– Многие говорят, что книга ужасная. А мне нравится.

– Она не плохая, но написано не очень... И как ты относишься ко всему этому?

Я еле-еле справлялась с дрожью в голосе.

– Ты про подобные романы или про что-то другое?

– Я про главных героев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.